

ХАНТЕР С.
ТОМПСОН

**ПОКОЛЕНИЕ
СВИНЕЙ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111(73)-311.2 Томпсон
ББК 84(7Сое)-44
Т56

Серия «Чак Паланик и его бойцовский клуб»

Hunter S. Thompson
GENERATION OF SWINE

Перевод с английского В.Б. Скобина

Серийное оформление *В. Половцева*

Печатается с разрешения The Gonzo Trust
и литературного агентства The Wylie Agency (UK) Ltd.

Томпсон, Хантер С.

Т56 Поколение Свиной / Хантер С. Томпсон ; [пер. с англ. В. Б. Скобина]. — Москва: Издательство АСТ, 2018. — 416 с. — (Чак Паланик и его бойцовский клуб).

ISBN 978-5-17-085520-9

В 1986—1988 гг. Хантер С. Томпсон, знаменитый автор «Страха и отвращения в Лас-Вегасе», вел еженедельную колонку в «San Francisco Examiner».

Статьи, собранные под этой обложкой, — это летопись жизни Поколения свиной, чьи злые дела чувствуются во всем: от дела «Иран-контрас» до сообщений в СМИ об урагане «Глория»; от аппаратов для измерения артериального давления до Суперкубка; от чудовищ, которые управляют Денверским аэропортом, до разгула телепроповедников.

Несравненный «доктор Гонзо» проделал немалый путь в поисках разумной жизни, а вместо нее обнаружил лишь полное безумие.

УДК 821.111(73)-311.2 Томпсон
ББК 84(7Сое)-44

© The Estate of Hunter S. Thompson, 1988

© Перевод. В.Б. Скобин, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

*Марии Кан и Дэвиду Маккамберу,
двум остальным ножкам нашей трехножки*

Отворяй врата, погост, –
Вильям Йейтс — почетный гость!
Бесстиховно в твой приют
Лег Ирландии сосуд.

Время, коему претит
Смелых и невинных вид,
Краткий положив предел
Совершенству в мире тел,

Речь боготворя, простит
Тех лишь, в ком себя же длит;
Трус ли, гордый ли — у ног
Полагает им венок.

Время, коим был взращен
Редьярд Киплинг и прощен –
И Клоделю все простит,
Ибо слог боготворит¹.

*У.Х. Оден
Из «Памяти У.Б. Йейтса»*

¹ Перевод А. Эппеля.

ВВЕДЕНИЕ

И дам ему звезду утреннюю.

Это тоже из «Откровения» Иоанна Богослова. Я украл оттуда много цитат, мыслей и просто изящных звездных всплесков слова, больше, чем из любого другого источника, — не потому, что я большой знаток Библии, и не по причине религиозности, а потому, что я люблю дикую мощь языка «Откровения» и чистоту безумия, которая правит им и создает его музыку.

Кроме того, я провожу много времени в дороге, беру напрокат пишущие машинки и мучаю факсы в чуждых мне отелях; я всегда слишком далеко от своей большой домашней библиотеки, слишком далеко, чтобы дотянуться до мудрости, той мудрости, которая, как я иногда внезапно осознаю — душной ночью в Майами, или в холодный День благодарения в Миннеаполисе, — необходима мне как воздух, но я не могу ждать; четыре-пять часов — предел отпущенного мне времени. В эти моменты богатство домашней библиотеки недосягаемо для меня.

Походная жизнь накладывает свои ограничения. Нельзя в три часа ночи позвонить администратору отеля «Марк Хопкинс», или «Лас-Вегас Хилтон», или «Аризона Балтимор» и попросить собрание сочинений Сэма Кольриджа или Стивена Крейна... Хотя в некоторых городах Мария ухитрялась добыть томик Г.Л. Менкена или Марка Твена, и каждый раз через некоторое время Давид Маккамбер, как фокусник белого кролика, доставал что-нибудь вроде «Круглого миллиончика» Натанаэла Уэста из своей шляпы, а может быть — из своей причудливой книжной коллекции в офисе «*Examiner*»....

Но такое удается не часто. В дороге даже днем, а особенно после полуночи, почти невозможно быстро найти, скажем,

сто первую страницу «Снежной слепоты»¹, или заключительный вердикт Марлоу по делу лорда Джима², или слова Ричарда Никсона, сказанные Генри Киссинджеру той сумасшедшей июльской ночью 1974 года, когда они стояли на коленях перед портретом Эйба Линкольна в Белом доме.

Это займет слишком много времени. Кроме того, если в последние три дня вы заказывали в номер «Чивас» бутылку за бутылкой, служащие отеля нервничают, когда вы вдруг требуете что-то такое, о чем они в жизни не слышали. В такие моменты я начинаю слоняться по комнате и рыться в ящиках тумбочек и шкафов, в шатких письменных столах, на которых лежат зеленые записные книжки, предназначенные для путешествующих торговцев, — я ищу Гидеоновскую Библию, я знаю, она где-то здесь, и, если мне повезет, это окажется Библия короля Якова с полным текстом «Откровения» в конце.

Если Бог есть, я хочу сказать Ему спасибо за этих «Гидеонов», кем бы они ни были. Я имел дело с другими вестниками Бога и нашел их совершенно бесполезными. «Гидеоны» не такие. Они спасали меня каждый раз, когда я слышал недовольное ворчание и обещание вызвать охрану по мою душу, если я не выключу свет и не буду спать как все нормальные люди....

Половину своей жизни я потратил на попытки уйти из журналистики, но все еще барахтаюсь в этом низком ремесле, затягивающем хуже героина, странном, больном мире неудачников и пьяниц. Выберите любой день, сделайте групповое фото десяти лучших журналистов Америки — и вы получите памятник человеческому уродству. Журналистика — не то ремесло, которое притягивает людей с лоском; здесь нет типов в костюмах от Кевина Кляйна, нет ни одного представителя сливок общества. Мы скорее увидим пламенеющий закат солнца на востоке, чем фото человека нашей профессии — на обложке журнала «Пипл».

¹ Книга Роберта Саббага, посвященная наркоторговле.

² Главный герой одноименного романа Джозефа Конрада.

Пытаться выразить себя на бумаге — гиблое дело, по крайней мере не пытайся сделать это в один присест. Но если ты — журналист, на всем, что ты написал, стоит твое имя, черным по белому, а журналистика — твоя работа, хорошая она или плохая. Купил билет — отправляйся в дорогу. Раньше эти слова были для меня забавной присказкой, но потом, к своему ужасу, я осознал, насколько они верны. Неприятная аксиома, которая может преследовать тебя всю жизнь. Как сказал Джо Луис накануне боя с Билли Коном: «Он может бегать, но не может спрятаться».

Когда занимаешься журналистикой или политикой — или, как я, и тем, и другим одновременно, — надо помнить еще об одной вещи, уклониться от которой невозможно. Критики будут тебя кусать, когда ты будешь прав, и когда ты ошибешься; это больно в любом случае — но перенести боль все же легче, когда ты прав.

Впрочем, бывают эпохи — одна из них досталась нам — когда даже правда чувствует свою ложность. Что можно сказать о поколении, которое учится тому, что *дождь — яд*, а *секс — смерть*? Когда любовь оборачивается гибелью, а прохладный летний ливень на ваших глазах превращает кристально голубое озеро в черную ядовитую лужу, что остается в вашей жизни, кроме телевизора и непрерывной мастурбации?

Это странный мир. Кто-то богатеет, кто-то жрет дерьмо и умирает. Толстяк почувствует, как разрывается его сердце, и назовет это прекрасным. Кто знает? Если и вправду есть Рай и Ад, мы можем с уверенностью утверждать, что Ад — это такой сильно перенаселенный Феникс: чистое, хорошо освещенное место, залитое солнцем, полное снотворных, и банальностей, и быстрых машин; где все кажутся почти счастливыми, кроме тех, кто осознал, что в его сердце что-то не так... кто медленно и ровно движется к окончательному безумию, которое приходит вместе с мыслью, что здесь нет как раз того единственного, что нужно по-настоящему. Утеряно. Не доставлено. No tengo. Vaya con Dios¹.

Повзрослей! Довольствуйся малым! Бери то, что есть....

¹ Не имеется. Идите с Богом (*исп.*).

Гораздо сложнее представить себе Рай — есть вещи, которые даже умник описать не берется... Но я могу догадаться. Или навести справки. Или, может быть, просто взвесить шансы, как игрок, или как дурак, или как ходячий атавизм — маньяк рок-н-ролла, и поставить восемь к одному на то, что Рай — это такое место, где у самых ворот отделят свиней и, как пойманных вражеских шпионов, покрытых синяками, рубцами и ранами, отправят подальше от Рая. Вниз по черному желобу, туда, где каждые 10–16 минут тебя захлестывает отвращение, как волны кипящего асфальта и ядовитой пены, которые сменяются толпами адвокатов и продажных полицейских, размахивающих сводом законов; а сам Рай — это место, где никто не смеется, где все лгут, где дни похожи на дохлых животных, которых волокут в могильник, а шлюхи и торчки по ночам скребутся в твои окна; это место, где налоговые инспекторы складывают кипы судебных повесток у твоей двери; где вопли обреченных вырываются из воздушной шахты вместе с белыми тараканами и красными червями, наполненными СПИДом; где гремят взрывы гнилостного газа, где никогда не восходит солнце, и утренние улицы полны проповедников-попрошаек, что заискивают перед бандами жирных молодых парней, которые следуют за проповедниками....

Кажется, мы говорили о Рае... или пытались о нем поговорить... но каким-то образом вернулись в Ад.

Может быть, Рая нет. Может быть, мои рассуждения — просто бессвязная болтовня, плод больного воображения ленивого, пьяного дикаря, чье сердце переполнено ненавистью, дикаря, который нашел способ жить там, где дуют настоящие ветра, — поздно ложиться, развлекаться, быть сильным, пить виски и мчаться по пустым улицам, пока в душе не останутся всего две вещи: предчувствие любви и дорога....

*Res ipsa loquitur*¹.

Давай хорошенько оттянемся!

ХСТ

Райская Долина

¹ Дело говорит само за себя (*лат.*).

СУББОТНЯЯ НОЧЬ В ГОРОДЕ

Я высадил Марию перед тату-салонем незадолго до полуночи. Места для парковки на улице не было, поэтому я отправил ее в салон, а сам припарковался на боковой дорожке, перед домом с темными окнами.

Почему бы и нет. Прикинем. Черная машина, темная боковая дорожка, на улице никого, кроме психованных китайских подростков... а нам необходим сюжет. Слишком долгая и чумовая неделя не располагала к мудрым, спокойным размышлениям. Примерно 166 часов подряд я читал лекции о морали, нравах и политике — в дополнение к наркотикам и насилию. Я слишком долго не спал.

Когда мы нашли адрес «Художественного тату-салона» в «Желтых страницах», до его закрытия оставался всего час. Самое время начать поиски сюжета.

Нам повезло, салон находился в нескольких кварталах от отеля, на углу Третьей и Гири, в пустынном подъезде, рядом с «Профилактикой суицида Инк.». Фасад здания был целиком покрыт толстыми стальными рифлеными щитами, как в Бейруте.

Клиника для самоубийц была закрыта, так что Мария позвонила в тату-салон и через минуту исчезла внутри.

Когда я туда зашел, она горестно разглядывала маленькую белую карточку Дерматологической клиники Кея и Кона. На карточке было напечатано «Удаление тату с помощью лазерной хирургии» и расценки на услуги — по запросу.

На другой карточке, которую Марии дал хозяин салона, значилось: «НЕ СРЫВАЙТЕ СТРУП... ПО ЭТОЙ ПРИЧИНЕ Я НЕ НЕСУ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НИ ЗА КА-

КИЕ ТАТУИРОВКИ С ТОГО МОМЕНТА, КАК ВЫ ПОКИНЕТЕ МОЮ МАСТЕРСКУЮ. СПАСИБО».

Салон принадлежал огромному швейцарцу по имени Марк, руки и плечи которого напоминали о героях комиксов — ножи, змеи, скорпионы, черепа, куча девизов «Ангелов Ада»: «Живи весело, умри красиво»... «Живи, чтобы гоняться, гоняйся, чтобы убить»... «Мне надо было убить тебя вчера»... «Лучше увидеть сестру в борделе, чем брата на японском байке»...

На стенах мастерской висело много других вариантов: от утонченных изображений цветов до чудовищных фресок во все тело, типа Нанкинской резни¹ или шестиногих горгон, изрыгающих пламя и грызущих черепа своих врагов.

— Орлы и пантеры, — сказал Марк, — по-прежнему популярны... Правда, девушки чаще выбирают цветы и все такое. Но парни предпочитают орлов и пантер.

Он нервничал. Хотел уйти в полночь — но все накрылось. Не лучшее дело — в субботу, за две минуты до полуночи, на темных задворках бульвара Гири развлекать двух бродяг с блестящими глазами и непонятными замыслами.

— Мы торопимся, — сказал я ему. — Завтра в полдень кончается срок. Сколько времени нужно, чтобы сделать тату этой женщине?

Марк настороженно глянул на меня, потом долго смотрел на Марию.

— Где вы хотите сделать тату? — спросил он.

— Не имеет значения, — рявкнул я. — Пусть будет на спине.

¹ Во время Второй мировой войны японцы захватили Нанкин. За несколько месяцев оккупации в Нанкине было убито 200–300 тысяч людей — военнопленных и мирного населения, в том числе женщин и детей. Убийства сопровождалось изнасилованиями, пытками и издевательствами. После окончания войны американцы, по всей видимости, заключили с японцами тайное соглашение и практически отказались от преследования военных преступников. — *Примеч. пер.*

Я быстро осмотрел стены в поисках подходящего рисунка, но хорошие картинки требовали слишком много времени. Чтобы сделать простенькое тату, надо было всего две-три минуты, на сложное у нас бы ушло восемь — десять часов.

В конце концов я сказал: «Как насчет пантеры?» и показал на свирепого черного зверя размером с волейбольный мяч. Рисунок был большой, но несложный. Требовавший в основном много черной туши и крови от укулов мерзопакостной иглой.

Мария вытянулась на кушетке, и я задрал ей свитер, обнажив лопатки. Несчастный швейцарец долго стерилизовал свою высоковольтную иглу в лотке со спиртом и эфиром. Потом игла завывала, как бормашина, и погрузилась в плоть.

Тихое воскресное утро на бульваре Гири. Огромная оранжевая вывеска «СКЛАД» — единственное яркое пятно в пределах видимости. За ней видны авеню — темная вереница заполненных туманом котловин, протянувшихся к пляжу. Странные автомобили на дорогах, огромные мотоциклы, пристегнутые цепями к пожарным кранам.

Я прочувствовал эти авеню. Знаю их, как вены на собственной шее. Могут мчаться на предельной скорости по дороге в направлении кафе «Бич бой» в таком густом тумане, в каком даже трамваи не рискуют ездить.

Я помню ночи в старые добрые времена, когда мы в тесной связке неслись на больших мотоциклах через парк, как шумное стадо диких кабанов. Мы орали и пили виски, и взрывали «зиппо» наши косяки, мы мчались в темноте как крысы, и с нездоровым воодушевлением вписывались в изгибы дороги вокруг озер и полей для поло... банда крепких ребят, готовых к приключениям на просторе.

Теперь все по-другому. Я живу в Майако, в пентхаузе с панорамным балконом и джакузи, с высоты я разглядываю в большой черный бинокль аллеи и крыши японского квартала. Обслуга приносит мне булочки, а на стоянке припаркован мой новый черный «камаро».

Здесь меня знают. Когда мы возвращались в отель, я увидел швейцара в сомнительном черном кимоно, который стоял прямо посередине Пост-стрит и беспомощно махал потоку встречного движения... Я утопил педаль газа и сделал рядом с ним вираж. Просто чтобы проверить рефлексy.

Он с проклятиями отпрыгнул назад, а я вывернул машину на стоянку. Мария быстро забежала в отель, держа в руках сумку из меха выдры, где лежали улики и записи нашего недавнего криминального расследования.

— Хорошо повеселились? — спросил швейцар, открывая мне дверцу машины.

— С ума сошел? — ответил я. — Мне надо было сделать важную работу. Пришлось всю ночь просидеть в тату-салоне. Только так мы могли уложиться в срок.

— Что? — удивился он. — Вам сделали татуировку?

— Да нет, — ответил я. — Не мне. — Я ткнул пальцем в Марию, которая была уже далеко в холле. — Это у нее теперь есть тату, — сказал я. — Большая черно-красная пантера между лопаток.

Швейцар медленно кивнул, но на его лице ясно читалось напряжение.

— Что вы имеете в виду? — спросил он. — Вы заставили несчастную девушку сделать тату? Только чтобы написать статью для газеты?

— Это было правильное решение, — сказал я. — У нас не было выбора. В конце концов, ведь мы профессионалы.

9 декабря 1985 года

СРЫВАНИЕ МАСОК НА СКОТНОМ ДВОРЕ

Это поколение может увидеть Армагеддон.

Рональд Рейган. «People», 26 декабря 1985 года

Когда зазвонил телефон, было около трех. Пару секунд я на него смотрел, потом схватил трубку и молча приложил ее к уху. Три часа ночи для некоторых людей не слишком поздно, но эти люди не относятся к разряду спокойных. Те, кто занимает линии междугородней связи в темные предрассветные часы, принадлежат к особой породе. Когда телефон звонит в три часа — не рассчитывай, что твой собеседник окажется человеком размеренного образа жизни и правильно выбранной профессии.

На другом конце линии кто-то молча сопел в трубку.

— Говори! — рявкнул я в конце концов. — Чего тебе?

— Привет, — сказал голос. — Ты занят?

Оказалось, звонит из Вашингтона мой приятель — политконсультант. Сила и самообладание покинули его, как сказал он. Ему надо поговорить со мной о чем-нибудь, но только не о политике.

— Позвони исповеднику, — сказал я. — Мое дело — политика, и сейчас мне как раз требуются некоторые данные.

— Какие? — спросил мой приятель. — По Сенату? — Он недобро засмеялся. — Не стоит беспокоиться. Выборы погоды не делают. Демократы могут получить контроль, но Рейган все равно имеет право вето. Наша единственная надежда — заблокировать его вплоть до 1988 года. А тогда можно будет что-нибудь предпринять.

— Остряк! — сказал я. — Помнишь, я советовал тебе воздержаться от крэка и глупых шуток. Из-за них тебя когда-нибудь посадят в клетку. Твои дети будут приходить по воскресеньям, чтобы через прутья потыкать тебя острыми палками.

— Ну и что? — ответил он. — Очень скоро мы все окажемся за решеткой. Меня будут боготворить, как Уолта Уитмена.

— Да ладно тебе! — сказал я. — Сосредоточься. Борьба пойдет за тридцать четыре места. Получить перевес в четыре кресла — это все, что нужно демократам. Какова расстановка сил в Джорджии? Еще меня интересуют Миссури и Калифорния. И что там с этим шарлатаном на Аляске? У него есть какие-нибудь шансы?

— Шутишь? — сказал он. — Это же доктор Олдс. Гвоздь сезона. Он вполне способен победить.

— Может быть, — сказал я. — Как насчет семи к одному?

Он согласился, и следующие два часа мы провели, определяя ставки по остальным тридцати трем забегам в Сенат. Больше половины имело явных фаворитов, однако нам удалось отыскать в списке десятков состязаний, достаточно интересных для того, чтобы поиграть в азартную игру.

Аляска. Предполагается, что победа обеспечена республиканцу Фрэнку Мурковски... Но экономический кризис на Аляске тяжелее, чем в Техасе, и неизвестный претендент от демократов — доктор Гленн Олдс — может неожиданно выиграть состязание. Ставки: семь к одному на Мурковски.

Миссури. Том Иглтон сдает место, когда-то надежно занятое демократами. Кандидат от «Великой старой партии»¹, бывший губернатор Кит Бонд имеет хорошую репутацию и огромное преимущество перед действующим помощником губернатора Генриеттой Вудс, которая тем не менее сохраняет шансы на победу. Ставки: три к одному на Бонда.

¹ Неофициальное название Республиканской партии США. — *Примеч. пер.*

Луизиана. Рассел Лонг отдает еще одно место, традиционно занимаемое демократами. Теперь оно, вероятно, достанется конгрессмену-республиканцу Хенсону Муру — явному фавориту в борьбе с четырьмя демократами за пятьдесят процентов голосов на открытых первичных выборах 27 сентября. Но если Мур не получит пятьдесят процентов, ставки на демократов повысятся с восьми к одному до пяти к двум. Маловероятно, но возможно.

Калифорния. У Алана Крэнстона нет видимой причины для провала, хотя умные денежки говорят, что есть: это стандартный миллионер, конгрессмен из «Великой старой партии», Эд Шоу, златошерстое Партийное Животное¹, который в любой нормальный год был бы счастлив почистить ботинки Крэнстона. Ставки: три к двум на Крэнстона.

Колорадо. Освобождается еще одно место демократов, на сей раз — фаворитом президентской гонки Гэри Хартом. Его друг и соратник Тим Уирт — заметный конгрессмен и опытный борец за голоса избирателей, работающий в стиле Кеннеди. Уирт, по слухам, должен опасаться конгрессмена-республиканца Кена Кремера. Тут я не советую заключать пари. Ставки: семь к пяти на Уирта.

Невада. О победителе в этом штате бьются об заклад даже дети. Пол Лекселт — республиканец, который провел два срока в Сенате, серый кардинал и ключевой стратег династии Рейганов. Он освобождает место, за которое борются республиканец Джим Сантини и конгрессмен-демократ Гарри Рейд. На сегодняшний день оба имеют одинаковый рейтинг. Лекселт — партийный функционер классического склада. Он не оставит свое место в Сенате, пока не будет уверен в победе своего преемника-республиканца. Но и он может ошибаться. Лекселт проводит собственную напряженную президентскую кампанию, где ставки очень велики. Он крадется в зарослях позади Джорджа Буша и может потерять контроль над местной политикой. Вспомните Оскара Бонавену. Про-

¹ Намек на героев книги Оруэлла «Скотный двор». — *Примеч. пер.*